

Э-191 ш.с.

2782/БР. 6

№

Б И Б Л И О Т Е К А
К Р О К О Д И Л А

4

ЦЕНА 1 РУБЛЬ

V.N. Karazin Kharkiv National University

00839534

0

1) 8(с) 12

2) Мелна Т —
сабура и юмюр

3) 32139

9 191 ш.с

М. Э Д Е Л Ь

ШИРОКОЕ СЕРДЦЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К. ЕЛИСЕЕВА

М О С К В А 1 9 4 5

50

Центральна Наукова
Бібліотека КДУ

№ 2782/92

ЗВАНЫЙ ОБЕД

— Приехал! Приехал! — воскликнул какой-то парнишка лет восьми, едва я и лейтенант Черешня ступили на платформу небольшой железнодорожной станции. Вслед за парёнком нам навстречу двинулась целая семья: пожилая женщина в чёрной кружевной косынке, молоденькая девушка в сиреновом платье и седоусый коренастый мужчина в форме пожарной охраны.

— Извините, Сашенька не приехала встречать. Некого было оставить, — сказала женщина в косынке.

Девушка одарила нас слегка смущённым, но нежным взглядом, паренёк повис на руке Черешни, а мужчина в пожарной форме взял у меня чемодан. Нам пожимали руки, на нас восторженно смотрели. Было очевидно, что

вся семья почему-то чрезвычайно рада нашему прибытию.

Всё шло хорошо. Беда лишь в том, что я понятия не имел, кто это нас с лейтенантом так тепло встречает. Никаких знакомых, а равно и родственников в этом небольшом городке у меня и у лейтенанта Черешни не было. Заехали мы сюда по просьбе нашего фронтового товарища, чтобы в местном совете получить необходимые ему справки.

Я хорошо понимал, что здесь какое-то недоразумение, и для координации предстоящих действий хотел было привлечь к себе внимание лейтенанта Черешни. Но, оглянувшись, я увидел, что brave лейтенант находится в совершенно противоположном, чем я, настроении. Громко смеясь, сияющий и довольный, он вёл под руку прелестную девушку в сиреновом платье.

— Ясно, — услышал я голос Черешни. — Так мы, Любочка, и занесём на огневой планшет. Только не путайте имя моего капитана. Его зовут Сергей Степанович, а не Сергей Капитонович.

Я немного рассердился. Меня задел задорный и счастливый вид Черешни.

«Ага! Значит, лейтенант предупредил своих родственников о нашем приезде, устроил мне сюрприз. Хорошо! Да, но мамаша упоминала о какой-то Сашеньке, которой не удалось нас встретить. Кто же она?» — думал я.

Через три минуты мы, выполняя громовые команды пожарного начальника, все, как один, втиснулись в дрожащую от нетерпения машину и под звуки пожарной sireны красным смерчем пронеслись по мощёным улочкам беленького, глубоко тылового города.

Вскоре автомобиль со скрежетом остановился у одноэтажного домика с белыми тюлевыми занавесками в окнах. Нас ввели в комнату с крашеными полами, где стоял

широкий, белоснежный стол, на котором, обливаясь каплями холодного пота, возвышались, словно башни, два высоких графина. Вокруг них теснились блюда с заливной рыбой, холодной печонкой, форшмаком, домашней колбасой и салатом. Когда мы умывались, я всё же не удержался и упрекнул своего лейтенанта:

— Что же вы не предупредили меня, что нас встретят, — не разберу, то ли ваши родственники, то ли знакомые? И вы даже не представили меня девушке.

Черешня стал поспешно брызгать водой в лицо и удивлённо захлопал глазами:

— Товарищ капитан, Сергей Степанович, что вы? А я думал, что нас встречают ваши знакомые, что это вы мне устроили сюрприз.

— Вы серьёзно? — спросил я трагическим шопотом.

— Честное слово, — так же шопотом ответил мне Черешня, и на его мокром лице отразилась неподдельная тревога. — Мне Любочка сказала, что вы хороший знакомый её старшей сестры Сашеньки. Я их ещё поправлял, они вас все почему-то зовут Сергеем Капитоновичем.

Мы одёрнули ремни и гимнастёрки и, смущённо улыбаясь, приготовились к грустным объяснениям. Но тут вошёл хозяин и весело скомандовал:

— Прошу к столу! Сашеньку ждать не будем.

С этими словами он настойчиво и мягко ввёл нас в столовую. С холодеющим сердцем я опустил в старинное плюшевое кресло.

«Опять эта Сашенька, — думал я. — Интересно, как мы с ней знакомы — лично или письменно?..»

Не успел я проглотить сочный кусочек печонки с горчицей, как мой сосед Коленька решил высказать, очевидно, давно мучившее его желание.

— Извините, товарищ капитан, но я забыл сказать вам спасибо, — учтиво произнёс Коленька, — за значок, кото-

рый вы мне прислали с Сашенькой. Всем ребятам понравился.

Я вынужден был выпить ещё один бокал, но есть не мог. Я вздрагивал при каждом скрипе дверей, я прислушивался к шагам в коридоре, я ждал вторжения Сашеньки.

А между тем мой лейтенант вовсе не унывал. Он ещё более порозовел, всё чаще наклонялся к Любочке, шептал ей на ушко что-то таинственное. Черешня добросовестно съедал всё, что ему предлагала хозяйка, добрейшая Стефанида Яковлевна, и, встречая мой удивлённый и беспокойный взгляд, делал невинное лицо.

— Правда, здесь неплохо? — говорили его глаза. — А почему вы не едите, товарищ капитан? У нас на батарее не часто дают молодого барашка с картофелем...

Когда на стол поставили вазу с яблоками, в коридоре послышался женский приятный голос. Стефанида Яковлевна многозначительно взглянула на меня и поспешно вышла навстречу дочери. Я вскочил с кресла, но все расценили этот порыв, как моё нетерпение.

Вошла Сашенька. Это была женщина лет двадцати восьми с приятным, открытым лицом. Я заметил — Сашенька дружески улыбнулась и восторженно пожала мою руку.

— Очень рада, — сказала она. — Извините, что я опоздала.

Я не знал, что ответить. Никогда я не видел этой миловидной женщины и даже не слышал о ней. Я взглянул на Черешню, и меня окончательно подавила его коварная улыбка. Теперь он был убеждён, что Сашенька — моя знакомая и я ему устроил сюрприз.

Лишь через четверть часа мне удалось увлечь Сашеньку к окну и сказать ей:

— Прошу, очень прошу нас извинить, но мы попали в ваш дом... можно сказать, не по своей воле, случайно. Мы не могли ничего... Вы понимаете, как получилось, — путался я.

— Говорите тише, — сказала Сашенька, сдерживая смех, — это всё Коленька напутал: он вас принял за моего знакомого, тоже капитана, с которым я и мой муж познакомились в поезде и подружились. Только что я получила телеграмму, в которой наш знакомый капитан сообщает, что приехать не может. И я вовсе не хочу, чтобы Коля и Люба знали о приятной, но всё же ошибке. Пусть они думают, что вы — это не вы.

— Да, но мне неудобно перед вашими родителями.

— Что там неудобно, — услышал я за своей спиной голос Стефаниды Яковлевны, — я ещё на станции, когда в машину садились, поняла, что мы не тех гостей встретили. Шепнула я об этом Ивану Тимофеевичу: мол, так и так. А он мне отвечает: «Всё равно — Красная Армия. Пусть погостят у нас».

Стефанида Яковлевна и Сашенька рассмеялись. Рассмеялся и я. А на столе, на вязаной цветной скатерти, уже лежали игральные карты, и лейтенант Черешня показывал восхищённому Коле фокусы.

* * *

Этот далёкий дом я теперь часто вспоминаю. Каждый раз, когда лейтенант Черешня распечатывает письмо от Любочки, я вижу милые лица, тёплые взгляды, гранёные бокалы, дымящегося молодого барашка с картофелем и искристыми малосольными огурчиками, графины и прочие мелкие батареи и орудия.

Одно меня утешает: что на этом обеде, на который нас не звали, я и мой боевой товарищ были весьма зваными гостями!

КАСТОРКА

На прощанье она мне сказала:

— Если вы будете в районе нашего госпиталя, заходите. Я буду очень, очень рада.

Это сказала девушка с густыми чёрными ресницами и неповторимо поэтическим именем — Маруся. На станции я бесконечное количество раз повторял её слова, и когда узнал, что до прихода моего поезда оставалось не менее восьми часов, то подумал: «А вдруг мне больше не придётся побывать в этом районе?»

Я покинул станцию и вернулся в госпиталь.

Через главный подъезд меня не пропустили. Я быстро перегруппировался к чёрному ходу. Меня остановил усталый сторож с бдительным, понимающим взглядом. Но я его уверил, что «забыл в палате свой пульс».

Сторож, не желая, очевидно, показать свою неосведомлённость в медицине, пропустил меня. Дежурной санитарке я сказал, что случайно захватил в госпитале чей-то миакордит и хочу его вернуть старшей сестре.

А на лестнице... да, на чудесной деревянной лестнице, я встретил её. Вот тогда-то я понял, что у меня действительно начался какой-то «кордит». Маруся, увидев меня, улыбнулась и, подняв свои тонкие брови, сказала:

— Вы почему же не уехали? Вы уже сегодня должны быть в своей части. Так не годится! — и погрозила мне пальцем.

На площадке мы посмотрели друг другу в глаза, и я взял Марусю за руку. Клянусь, что в этот момент в госпитальный коридор ворвалась весна.

— Маруся, — сказал я, — ваши слова... ваши прощальные слова не дают мне покоя.

— Какие слова? — удивилась Маруся.

Очевидно, моё последующее молчание было красноречивее слов, потому что Маруся добавила:

— Ну, какой же вы, право... Какие же слова надо говорить уезжающим фронтовикам? Для нас вы все словно родные.

Но вместе с весной в коридор проник и холодный ветер в лице одной из многих комиссий, так часто навещающих администрацию госпиталей.

— Больной! — неожиданно громко и наставительно воскликнула Маруся. — Почему вы ходите по коридору без халата? Сколько раз вам надо говорить!

Тут же Маруся схватила меня за руку, потащила за собой вверх по лестнице, быстро втокнула в палату и заговорщически мигнула дежурной сестре. Та немедленно приняла боевой сигнал старшей сестры. Я не успел опомниться, как с меня сняли снаряжение, обмундирование и, не дав мне сказать ни одного слова, уложили в кровать. Одновременно на столик была положена чья-то история болезни.

В этот момент в палату вошла прибывшая в госпиталь комиссия. Может быть, у меня в ту минуту действительно были туманные и дикие глаза, бледный вид и неизъяснимая печаль на челе, ибо сестра предупредительно натянула мне на голову одеяло.

— Что, больной спит? — спросил главный член комис-

сии, держа в руках прикомандированную ко мне историю чьей-то болезни.

— Спит, — ответила сестра.

В ответ на это последовало распоряжение:

— Сестра, приготовьте этого больного к операции.

От этих слов меня так подбросило, словно в меня включили высоковольтную линию. Но комиссия уже исчезла.

— Что они, с ума сошли?! — крикнул я отчаянным голосом.

Я обратился с этим вопросом к ближайшему соседу, надеясь получить от него утешительный ответ. Вместо утешения я услышал:

— Вас, наверное, будет оперировать сам Сливинский. Он тут одному сержанту в момент вырезал селезёнку и увёз её для дальнейшего показа в музеях.

— А вы не знаете, что у меня вырезывать будут для показа в музеях? — спросил я.

— Не знаю, — ответил сосед, — но, должно быть, серьёзную деталь, потому что Сливинский по мелочам не режет.

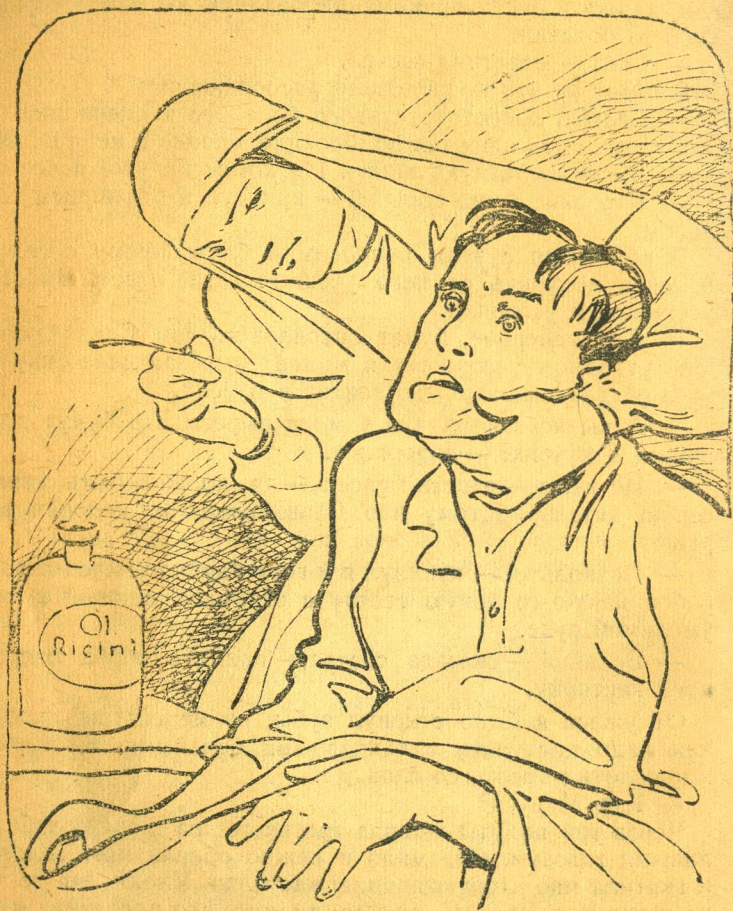
— Позвольте! — крикнул я и неожиданно увидел перед собой какую-то новую сестру с огромной ложкой в неумолимой руке.

— Больной, — сказала сестра, — примите перед операцией касторку.

От ужаса я было стиснул зубы, но медсёстры знают, как надо поступать с капризными больными. Касторку я проглотил вместе со словами:

— Где Маруся?

Через три минуты пришла третья сестра с очень заботливыми глазами. Она мило и нежно обняла мою голову и вкатила мне вторую порцию касторки. Уходя, эта сестра приятно улыбалась, считая, видимо, что доставила мне

удовольствие. Я понял, что вторая порция касторки была актом перестраховки в связи с приездом комиссии.

А Маруся всё не показывалась. Наконец, я пришёл к заключению, что со мной может всё случиться: распорют все мои защитные покровы, подрежут мои селезёнки, печонки, всякие пузыри и мешочки и скажут:

— Ах, извините, произошла чисто медицинская ошибка. Мы вам сейчас всё зашьём — и можете спокойнo выздоравливать.

Придя к такому заключению, я стал настойчиво вызывать Марусю. Но она не показывалась. Когда я стал нервно высказывать свои протесты, в прикомандированной ко мне истории болезни прибавилась интересная запись:

«...Больной бредит, зовёт каких-то родственников».

Тогда я окончательно убедился, что операционного стола мне никак не миновать. Я подзвал сестру и покорно, тихо и дисциплинированно начал просить её доставить сюда Марусю. Но сестра мне громко ответила:

— Больной, успокойтесь, — вам перед операцией вредно думать о Марусе. Старшая сестра сменилась и придёт завтра.

После этих слов я понял, что погибаю, и... успокоился.

Наконец, две усиленные порции касторки возымели своё действие. Я до того упал духом, что решил — ладно, пусть режут, пусть вырезают всё, что им понравится, для музея и на пользу военно-полевой хирургии.

Потом меня купали, сносили вниз, записывали и, наконец, посадили в санитарную машину. И когда я уже сидел в полутёмной машине, на моё плечо легла чья-то нежная рука и я почувствовал тёплое, ласкающее дыхание. Кто-то шептал:

— Вас довезут до станции и отпустят, я предупредила. А если вам случится быть в районе нашего госпиталя, заходите... Я буду очень, очень рада...

Широкое сердце.

У Л Ы Б К А

Я был в командировке и, вернувшись к себе на батарею, первым делом схватил свой котелок и ринулся на кухню. Ещё на подступах к цели я в удивлении затормозил. К кухне вёл гладкий настил, под ногами белели опилки, а сверкающие медные крышки котлов явно соперничали между собой, отражая на своей блестящей поверхности белую куртку, кокетливо надетую шапочку и синие глаза нового старшего повара — сержанта Днепровой.

Первым прямым попаданием был сражён наводчик второго орудия. Когда его чёрный от шестимесячной копоти котелок был поднят на уровень крышки котла, синие глаза пронзили наводчика кинжальным огнём, и он услышал:

— Вы дома тоже из такого чёрного корыта обедали?

Ответ наводчика был подавлен величественным жестом поварской руки, протянутой к следующему котелку.

Я моментально выскочил из очереди и, замаскировавшись кустами, стал надраивать свой котелок до блеска своей медали. Я был не одинок в своём рвении — кругом шла чистка котелков, ложек и всякой посуды.

Наводчик моего орудия Ремейко первым открыл «счёт внимания» к новому повару. Он смастерил для неё из снарядного стакана некоптящую копилку. Заряжающий Лялин сработал для повара замечательную полевую сумоч-

ку из кожаного сидения разбитой машины. А я подарил ей скроенные из немецких ракетных парашютиков шолковые платочки. Очевидно, в силу этого при раздаче пищи сверкающие котелки и лица бойцов моего расчёта встречались чуть приветливей других.

Но никто на батарее не мог добиться от повара такой улыбки, как командир второго орудия Неверов. Мы заготавливали для кухни сухие мелконаколотые дрова, мы брились через день, мы сделали для Днепровой из куска рельса уютный утюжок. Ничего не помогало.

Однажды утром всё стало ясно. В котлах закипал борщ. Солнце настойчиво обстреливало нас яркими лучами, но у меня помутилось в голове, когда я увидел, что синие глаза впились в панораму второго орудия. Тут же, склонившись к панораме, стоял Неверов и объяснял сержанту Днепровой суть делений.

А под вечер, когда мы вели беспокоящий немцев огонь, по команде «Второе!» за шнур неверовского орудия дёрнула лично старший повар Днепрова.

Правда, после выстрела нашей 152-миллиметровой сержанта Днепрову сильно качнуло назад. Но зато какой улыбкой был награждён Неверов после второго выстрела, когда наблюдатели доложили, что снаряд Днепровой попал в немецкую кухню во время раздачи ужина.

...Мы попрежнему чистим до блеска свои котелки, мы попрежнему дарим повару свои изделия из меди, дерева и алюминия, но той сверкающей, чарующей улыбки, которая озарила старшего сержанта Неверова при разгроме немецкой кухни, никто из нас ещё не удостоился.

Видно, в своё время мы не догадались, что может взволновать сердце такой девушки.

Недопонимали.

ПИСЬМО

«...Так что, товарищ лейтенант, пока вы находитесь на излечении, у нас в разведываеде всё в порядке, кроме бойца Чугая, о котором прошу ваших приказов товарищу старшему сержанту, поскольку я сам на основании железной гвардейской дисциплины не могу даже намёка сделать. Прикажут, я в разведку с самим чертом, не то что с Чугаем пойду, но это же невозможное дело — портить трофей, когда от него ещё пользы не было!

Когда вы приказали, чтобы со мной на охоту ходил товарищ боец Чугай, я посмотрел — человек он тихий, и если при обыкновенном росте может в бою одним кулаком врага сразить, — это для разведки плохим не считается.

Главное же для разведчика-гвардейца, как вы сами учили, — это военная выдержка и спокойствие нервов. Насчёт нервов товарищ Чугай до последнего времени был похож на того старого сома, что мы с вами на реке после немецкой бомбёжки выловили, почему я и подумал, что мы с ним организованно наладим доставку в часть немецких «языков».

Вы меня знаете, товарищ лейтенант, я с вами с самой Опочки в непрерывных боях за нашу родину, и я никогда на своих боевых товарищей не жаловался и в своём отде-

Центральная Научная
Библиотека при ХДУ

Инв. № 2789/54

лении сам держу дисциплину, как требует наш устав. Но о товарище Чугае должен сказать, что он потерял свою военную выдержку.

Вот и в последнем случае, когда мы ходили в разведку и вышли из леса на дорогу и увидели двух фрицев, я ему приказал:

— Товарищ Чугай, внимание! Вот того солдата, который слева, глушите, а унтера мы с собой в нашу часть отнесём.

Солдата товарищ Чугай, правильно, глуханул так, что тот полностью потерял взаимодействие всех своих частей тела, а унтера товарищ Чугай почему-то схватил за горло, и пока я соображал, что к чему, он вскинул унтера на плечо и унёс в лесок. Я собрал их оружие — и за ним. Приходим в лес и видим: фриц, как фриц, — полный обер-ефрейтор, здоровый, вонючий, белоголовый, но только окончательно неживой. Я этому немцу и водку в горло не жалея вливал и щекотал, где можно, — ничего на выходило, фриц скапнулся.

Тут меня прямо взяло за сердце.

— Вы что же это такое сделали, — сказал я товарищу Чугаю, — вас же за такое дело нужно под суд отдать. В данный момент перед вами был не просто фриц, а военный трофей, нужный для пользы дела, а вы его изничтожили.

Что же мне товарищ Чугай отвечает?

— Виноват, — говорит, — товарищ младший сержант! Когда я его за глотку схватил, так помнил, что её надо нажимать не до полного отказа, а оставить для воздуха небольшой зазор, но голова одно, а душа моя, выходит, — другое...

Пришлось нам, товарищ лейтенант, по этому случаю ещё целый день в засаде с товарищем Чугаем при четырёх автоматах сидеть. А ночью мы какого-то паршивого

обозного захватили. А почему? А потому, что рядом с обозным шёл ещё и телефонист, но товарищ Чугай опять же так его зажал своей рукой, что тот воздуха поймать не мог и задохнулся.

Я понимаю товарища Чугая: трудно из гвардейских рук выпустить живого фрица, и я ему в этом препятствовать не могу, но на охоту он в настоящее время ходить не может. Это у него с тех пор началось, когда он в одном освобождённом селе увидел убитых немцами малолетних детей. Так что товарищу Чугаю, выходит, по состоянию здоровья нельзя со мной в разведку ходить. Нервная система позволяет ему идти только в атаку, как примерно третьего дня, когда он в разведке боем троих на штыке через плечо перебросил.

А так у нас всё в боевом порядке, а насчёт того подлого немца, что вас поранил, тоже не сомневайтесь, мы за эту подлость уже из двенадцати фрицев душу вынули и ждём вас в полном выздоровлении.

А про товарища Чугая прошу старшему сержанту приказ дать, потому что увидеть фрица и не убить его, если эта собака сдаётся в плен,—на это надо, конечно, особенную выдержку иметь. А боец Чугай по причине известного нам фашистского зверства всю выдержку израсходовал и может ходить только на штыковые атаки, о чём и прошу вашего распоряжения.

С гвардейским приветом мл. сержант
М. Прищепа».

АСТРОНОМИЯ

— Какая такая ваша профессия?— не веря своим ушам, переспросил меня старшина хоззвода товарищ Гаркушенко.

— Астрономия,— скромно повторил я.

— Стало быть, вы коня в двуколку запрягать не умеете?

Лицо старшины ясно выражало: «За что ты меня, судьба несчастная, такими бойцами награждаешь?»

Чтобы подбодрить старшину, я молодецкато сказал:

— Я, товарищ старшина, к коню ближе чегырѣх метров ещё не подходил.

— Ага!

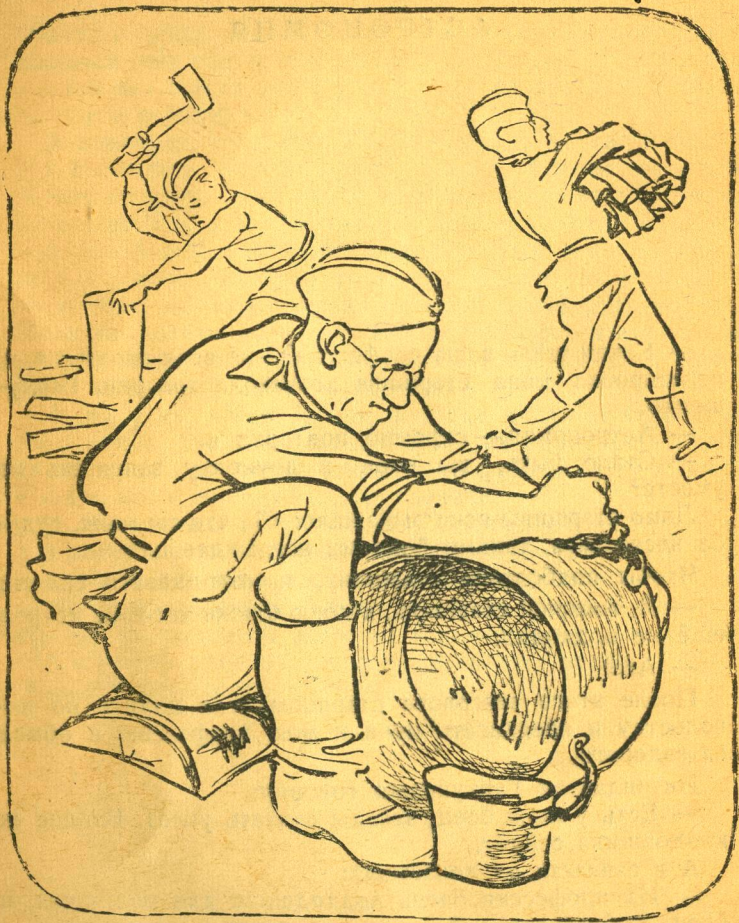
После этого разговора старшина стал ходить по начальству и предлагать меня и мою профессию в обмен на ездового.

Интендантам Гаркушенко говорил:

— Есть у меня боец, звёзды считать умеет. Вполне за кладовщика сойдѣт.

А в санчасти он доказывал:

— Их профессия очень подходящая для медицины, и боец сообразительный...

Но все, узнав, что я астроном, категорически отказывались. Только старший повар оказался человеком с широкими понятиями:

— Гастрономия или астрономия — это всё одно. Пускай котлы чистит и днeвалит по кухне.

И я попал под начальство повара товарища Груша. Я нёс службу добросовестно — и котлы блестели, как звёзды на заре.

Гаркушенко не оставил это без внимания. Он вызвал меня к себе и вручил заржавевший немецкий автомат:

— Поскольку вы удивительно стараетесь, изучите это оружие и обучите всех наших «астрономов»...

«Астрономами» в хоззвезде стали звать всех бойцов, подобных мне. Сюда относились: один художник, два биолога, дамский парикмахер и преподаватель танцев.

Через неделю старшина проверил наши стрелковые качества и опять удивился:

— Так вы же, выходит, способный народ! Я вас сегодня же на передовую поведу, раз такое дело.

Вечером старшина вручил каждому из нас по тяжёлому термосу с горячей кашей и чаем и повёл гуськом по тропке через лес на передний край. Дошли мы до болота и слышим — кругом нас подозрительный шорох и хруст. Старшина дал знак лечь и приготовиться. Это была немецкая засада. Немцы всё ближе ползут к нам, прижимая нас к болоту. Старшина командует: «Огонь!»

Я даю из автомата немецкого, старшина — из русского, биолог бросает гранату, а художник и остальные бьют из винтовок.

— Отходить к болоту, — командует старшина, — под командой Вернева, а я и Смольников (парикмахер) будем прикрывать.

Я, отстреливаясь, веду шестерых бойцов к болоту и слышу голос Гаркушенко:

— «Астрономия»! Термоса ни в коем разе не бросать! Идём по болоту неизвестно куда, а старшины всё нег. Вода воючая, по пояс, ноги вязнут, термосы дают спину, пот катится, и автомат руки отрывает.

Поднял я глаза к небу, посмотрел на звёзды, затем на часы и приказываю:

— За мной, «астрономы», я вас выведу к нашим...

Утром мы встретились со старшиной у нашей кухни. Я слышал, как он говорил командиру роты:

— Товарищ старший лейтенант, я кого хотите передам в обоз, но этих бойцов позвольте оставить. Это же орлы! С ними куда хочешь. Они без компаса в любое место придут. Астрономия — это же вполне военная наука...

— А преподаватель танцев? — сказал старший лейтенант.

— Всё одно, раз стойко воюет.

После этого разговора нас, «астрономов», к большому огорчению старшины, перевели в разведчики. И говорят, что лучшие разведчики из нас — это наш биолог и... «астрономия». Не будем скромничать на этот раз!

ШИРОКОЕ СЕРДЦЕ

Ещё задолго до войны товарищ Осипов Иван Фёдорович был окончательно забракован медицинскими силами Н-ского аэроклуба...

Приёмная комиссия нашла, что у товарища Осипова слишком широкое сердце. Когда началась война, Иван Фёдорович всё же уговорил военкомат, и его направили в соединение пикирующих бомбардировщиков. Но несмотря на все ухищрения широкое сердце Ивана Фёдоровича привело его не к бомбардировщику, а на должность начальника столовой лётного состава.

Несколько раз товарищ Осипов вступал в переговоры с майором медицинской службы Усковым, но всякий раз майор выносил приговор:

— Я не понимаю, почему вы хотите летать? Я же не летаю. А уважают меня не хуже, чем вас. Имейте в виду, если вы чудом попадёте на бомбардировщик, то вы умрёте от разрыва сердца ещё до того, пока бомбардировщик выйдет из пикирования. И этого пилоты вам не простят, потому что никто их не будет так вкусно кормить, как вы.

Во время боевой работы соединения Иван Фёдорович круглые сутки не покидал офицерской столовой. Ходил он строгий, серьёзный, как капитан большого корабля, и зорко следил за прибытием каждого лётчика. Едва пилот

брал курс на умывальник, как раздавалась деловая и спокойная команда Ивана Фёдоровича:

— Прибыл капитан Герасименко. Гречневую кашу. Поджарить как следует. Заварить свежий чай и покрепче.

А когда приземлялся монументальный старший лейтенант Пикус, Иван Фёдорович приказывал:

— Кило белого горячего хлеба, граммов двести масла и чёрный кофе.

Лётчики были в восторге от «индивидуального подхода» Ивана Фёдоровича, они с уважением пожимали ему руку и докладывали:

— Иван Фёдорович, одну бомбочку в районе Восточной Пруссии мы пустили за ваш счёт.

Иван Фёдорович счастливо краснел и конфузливо замечал:

— Я приказал, чтобы к ужину были сладкие пирожки.

Но трогательное внимание Ивана Фёдоровича к боевым пилотам обходилось им довольно дорого. Иван Фёдорович то и дело подсаживался к командиру бомбардировщика и душевно и долго говорил ему:

— Ну, пойми, вернусь я на свой завод, в свой пищекомбинат, и меня спросят: «Где служил?» Натурально я им скажу: «В лётном соединении пикирующих». А на деле оказывается, что я даже ни разу не взлетел, не то чтобы пикировал. На что это похоже? И кроме того я послал им своё фото. Естественно, я снялся в лётном головном уборе и на погонах у меня пропеллеры. Просто не знаю, как быть с моим положением!

— Не могу, не могу я тебя взять на самолёт, сам понимаешь, закон,— стойко отвечал пилот.

Но в один замечательный день все боевые лётчики части попали в затруднительное положение: Ивана Фёдоровича наградили орденом Красной звезды.

Иван Фёдорович несколько раз взлетел в воздух и, упав в последний раз на руки пилотов, заявил:

— Как же я вернусь на завод? На груди орден, а я ни разу не летал. Мне будут задавать вопросы, как я себя чувствовал в воздухе, а у меня на этот счёт никакого впечатления. Мне бы хоть впечатление, поймите!

Посоветовавшись, лётчики сообщили Ивану Фёдоровичу, что они его подымут на бомбардировщике при опробовании моторов.

В назначенный час Иван Фёдорович был поднят на руки и втиснут в бомбовой люк. Когда люк захлопнулся, Иван Фёдорович осведомился:

— А пикировать будете? Для впечатления?

— А как же! — хором ответил экипаж самолёта.

Взревели моторы — и бомбардировщик помчался по аэродрому. Мчался он по земле из всех лошадиных сил; описывая огромные круги, разворачиваясь, как перво-классный автомобиль, но никак не подымаясь в воздух. Моторы ревели то сильнее, то слабей, то совсем замолкали, из-под фюзеляжа вырывались вихри, вздымавшие тучи пыли. В это время Ивану Фёдоровичу чудилось, что самолёт уже высоко в воздухе, и он не без удовольствия ругал медицину, которая не могла понять, что у него чудесное, крепкое сердце. Иван Фёдорович чутко прислушивался к гулу моторов и спокойно фиксировал, когда, по его мнению, бомбардировщик «пикировал» и затем выходил из пике.

Но вдруг Иван Фёдорович почувствовал, как раскрылся люк и он полетел вниз вместо бомбы.

Перед глазами, словно молния, мелькнул хвост бомбардировщика, а затем сильнейший шквал ветра ударил Ивана Фёдоровича в голову, и вслед за этим туча песку врезалась в глаза, уши, рот. Он, словно бочка, покатылся по траве...

Когда Иван Фёдорович, уже сидя на траве, протёр глаза, то он увидел испуганные лица экипажа.

Чтобы успокоить своих друзей, он бодро улыбнулся и заявил:

— Счастливо отделался! Хорошо, что люк не раскрылся, когда мы находились высоко в воздухе или когда пикировали.

Экипаж, чтобы не прыснуть со смеху, прикусил губы, а командир самолёта с искренним сожалением сказал Ивану Фёдоровичу:

— Видите, какие случаи бывают... Это первый случай в нашей практике, уверяю вас. Радист не знал, что вы в люке, и нажал спуск.

— Ничего, не беспокойтесь, — ответил Иван Фёдорович, — главное — я получил полное впечатление. Скажите, а на какой высоте мы пикировали?

И тут лётчики для дружбы покривили душой:

— На предельной, Иван Фёдорович, на предельной!..

Вскоре Иван Фёдорович получил письмо от пищеблока своего завода. Ему писали:

«Дорогой Иван Фёдорович, мы получили письмо от твоего командования с сообщением о полученной тобой высокой награде. От души поздравляем тебя. Мы очень рады, что наш бывший начальник цеха горячих закусок не подкачал во время Отечественной войны и хотя он и не летает, но зато отлично кормит наших славных героических соколов. Большое тебе спасибо. Наши пищевики теперь имеют кем гордиться».

Прочтя письмо, Иван Фёдорович усмехнулся и сказал:

— Тем более, что я летал и имею об этом деле полное впечатление.

ТОЧНЫЙ АДРЕС

Отпуск я получил на норвежской земле и в первый раз за три с половиной года сел на скамью жёсткого плацкартного вагона.

Недалеко от Москвы в наш вагон вошла девушка с портфелем, туго набитым книгами.

Она села на свободное место у окна и о чём-то задумалась. Я же многократно вздыхал, стараясь припомнить, с чего я обычно в довоенное время начинал разговор с девушкой. Наконец, я нашёл повод. Дело в том, что это было в день опубликования Указа об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья». Я любезно улыбнулся и, подавая ей газету с Указом, произнёс заранее тщательно обдуманную фразу:

— Наши бойцы будут чрезвычайно довольны.

Девушка взглянула на меня, и через несколько минут я узнал, что она студентка географического факультета МГУ. Мне пришлось ответить на её двадцать шесть вопросов о Кольском полуострове, его климате, полярных ночах, северном сиянии, оленях, Нивастрое и никелевых рудниках в районе Печенги.

Между рудниками и оленями я вслух искренно пожалел, что я до сих пор холост.

Может быть, поэтому студентка на вокзале в Москве сказала:

— Если будет время, загляните к нам. Я вас познакомлю с папой. Запомните адрес? Леонтьевский переулок, 11, квартира 3. Меня зовут Ксенией.

На обратном пути из Тулы я специально остановился в Москве, чтобы навестить девушку, которая так интересуется Советским Заполярьем. В записной книжке у меня значилось: «Ксения Иванова — Леонтьевский переулок, 3, квартира 11».

Как видите, я от восторга адрес малость спутал.

Так как мне ещё предстояло знакомство с отцом Ксении, то я принял некоторые организационные меры, которые, по моему разумению, должны были показать, что мы не совсем отвыкли от правил хорошего тона. Я захватил с собой бутылку московской, бутылку красного вина, мурманскую сёмгу, консервы — треска в масле — и пакетик с замечательными солёными огурцами.

В девять часов вечера я осторожно открыл дверь подъезда дома номер 3 и вошёл в вестибюль. Меня встретила остроглазая женщина в синем халате.

— Поздно пришли, — сказала она, бросив уничтожающий взгляд на мой свёрток.

Я виновато улыбнулся и доложил строгой гражданке:

— Понимаете... только что пришёл поезд. Я завтра уезжаю на фронт...

Фронт действовал. Женщина в синем халате безмолвно и решительно взяла из моих рук свёрток.

— Вам кого? — спросила она уже с лестницы.

— Иванову, номер одиннадцать, — растерянно ответил я.

— Хорошо. Подождите. Я сама снесу, — заявила женщина в синем халате и скрылась.

«Странный дом!» — подумал я.

Через несколько минут синий халат возвратился и вручил мне верёвочную сумку, в которой я успел заметить стеклянную банку, бутылку из-под молока и алюминиевую кастрюльку.

— Ваша хозяйшкa уже спит, — заявила она, — отвезите посуду домой, а завтра приходите к 10 часам. Тут есть записка... Что у тебя — дочка или сын? — с некоторой долей участия заметила моя собеседница.

Я вперил в неё свой вопрошающий взгляд и молчал, как валун.

— Совсем ошалел, — деловито заключила она. — Ну ничего, все молодые отцы такие бестолковые. Вот посмотри на доску — тут всё обозначено.

Я взглянул на доску и понял: я попал в приёмную родильного дома.

Первая моя мысль была о свёртке и вовсе не о том, что он попал какой-то другой Ивановой. Нет. Но что подумает родильница, увидев столь важное для кормящей матери угощение вроде полулитра горькой? Наконец, я расхрабрился и нашёл на доске номер 11, под которым значилось: «Иванова Елизавета Михайловна, дочка, восемь с четвертью фунтов».

Тут я повеселел. Я молодецки подкрутил несуществовавшие усы, крепко пожал руку синему халату и пообещал непременно придти завтра, в десять часов утра.

Когда я уже взялся за ручку дверей, то услышал на лестнице сердитый голос врача:

— Где этот военный? Как он не понимает, что роженицам нельзя приносить спиртных напитков?!!

Я рванул на улицу, крепко прижимая к груди загремевшие бутылки и банки.

С этими бутылками, банками и новыми впечатлениями я помчался на Петровку, к своим старым знакомым.

Своим рассказом о Леонтьевском переулке номер 3 я вызвал здесь общее оживление. Под восторженное всплёскивание рук всех лиц обоего пола я громко прочёл полученную в родильном доме записку:

«Дорогая Лёлочка. Спасибо тебе, родная, за всё. Я счастлива, что сегодня прибыло письмо от Степуши. Я его прочла и сказала дочке: «Твой папа — сержант и получил медаль «За отвагу». Мы с тобой его поздравляем». Пришли мне молоко и кисель. Ничего острого и солёного мне пока есть нельзя. Врач запретил. Целую крепко. Лиза».

Моя твёрдая решимость отнести жене сержанта молоко и кисель вызвала большой подъём среди всего личного состава коммунальной квартиры. Одна соседка сбегала за молоком и вскипятила его, другая сварила кисель, третья, по моему поручению, купила свежие яблоки. Я ходил, как именинник, и только распоряжался.

В 10 часов утра, когда я уже поставил правую ногу на ступеньку дома номер три, бережно неся в верёвочной сумке молоко и прочее, я вдруг натолкнулся на Ксению Иванову.

Увидев меня с таким грузом в таком месте, она насмешливо спросила:

— У вас... сын или дочь?

— Дочка! — бодро ответил я. — Восемь с четвертью фунтов!

— Поздравляю, — сказала Ксения и, пожав плечами, пошла дальше.

Я почувствовал, что природа Заполярья больше не интересует её...

ПОРТРЕТ

По дороге я зашёл к председателю райисполкома и представился ему.

— Ага! Очень приятно,— сказал предрика,— садитесь, товарищ старший лейтенант. Вашу крышу мы починили, тёлку обменяли на неплохую корову, выписали вам дрова и доставим их по первой санной дороге. Между прочим, я вас сразу узнал: очень вы похожи на свой портрет, хотя на вашей груди имеются изменения. Не пойму, что это за ленточка, третья с краю?

Я в свою очередь обратил своё внимание на партизанскую медаль на пиджаке предрика и ответил:

— Александр Невский.

— Ага! Очень приятно. А мамаша ваша и супруга уже думали, что вы пропали без вести. Вы, очевидно, дома ещё не были?

— Позвольте,— сказал я, дипломатично улыбаясь,— если не ошибаюсь, вы упомянули о супруге... я вас понял, что у меня как будто есть жена?

Председатель так же дипломатично подмигнул мне и заявил:

— Ну и народ же вы — танкисты! Между прочим, разрешите, товарищ старший лейтенант, поздравить вас с наследником. Чудный у вас сынок, товарищ Лавриненков,

полный ваш портрет, ну просто настоящая копия. У меня в районе всё на строгом учёте, в особенности то, что касается семей фронтовиков-героев. Всё в этой тетради записано. Я вашей супруге и сынишке, как только они прибыли к нам, сразу же выписал вещевые подарки. Да!

Председатель широким жестом погладил густые усы и смотрел на меня глазами доброго человека, уверенного в правоте своего дела.

У меня же не хватило решимости сразу разуверить его.

Должен сразу оговориться, что в тот момент я был абсолютно холост, это состояние у меня тянулось ещё с мирного времени. И хотя я был совершенно невиновен в столь резком изменении моего семейного положения, но тёплая забота предрика о «моей» семье разоружала мою уверенность в том, что я холост. Не может же предрика так жестоко ошибаться! Ввиду этого я очень осторожно намекнул:

— Имеет ли моя жена на руках соответствующие документы?

— Вот об этом и речь, — сказал предрика и вскочил с места. — У меня в районе всё должно быть в порядке. Я как раз еду в ваш сельсовет, поедem со мной и заодно оформим акт вашего гражданского состояния. Сына мы уже записали на ваше имя, зовут его Виктор Иванович, поскольку тебя зовут Иван Лавриненков.

При последних словах предрика моя дипломатическая улыбка быстро погасла, я потянулся к крючкам моего воротника и заметил вслух, что сегодня жаркая погода.

— А можно узнать фамилию моей супруги и, если возможно, то заодно ее имя и отчество? — сказал я старательно спокойным голосом.

— Ну и хитрец! — весело сказал предрика. — Ну чего ты в душе улыбаешься? Мы же с тобой фронтовики, ду-

маешь, не понимаю в чём дело? Пожалуйста! Её зовут Анна Арсеньевна Нестерова. Вот!

— Спасибо,— сказал я,— а то как-то неудобно быть женатым, иметь подрастающего сына и не знать основных моментов в биографии своей супруги.

Он обнял меня за плечи.

— Я же видел твой портрет над кроваткой твоего сына. Я же тебя сразу узнал по орденам, там ещё написано, как ты на своём танке долбал фрицев. Так что, брат, я буду твоим шафером. Поехали!

В общем я понял, что предрика, будучи от природы заботливым и отзывчивым человеком, сегодня же, невзирая ни на что, обязательно женит меня.

— Жена у тебя хозяйка, спокойная, вежливая,— убеждал меня председатель,— мать твоя её уважает, жалеет.

— Мать у меня хорошая,— неопределённо заметил я.

— Ну вот, видишь, всё в порядке. Мать хорошая, советская власть тем более неплохая, воюй себе сколько надо, а мы твоего сына воспитаем.

«Действительно,— подумал я,— может быть, мне в самом деле жениться, раз создалась такая приятная обстановка?»

Подъехали мы к нашему дому и вошли. В доме почти никого не было. Тёплый летний ветерок колыхал белую занавеску над белой сосновой кроваткой, пахло спелыми антоновскими яблоками, мятой и мирной жизнью. В кроватке лежал ясноглазый паренёк и пухлыми ножонками выделял замысловатые гимнастические упражнения. Увидев меня, он чисто по-приятельски улыбнулся.

— Ага! Узнаёт! — громко воскликнул предрика.— А ты ещё отказывался от такого парня. Товарищ Прохоров,— крикнул предрика своему кучеру,— катай в сельсовет, пусть секретарь приготовится к загсу.

Я чувствовал, что напор местной власти на моё холодное положение так велик, что если ему не удастся меня женить на матери этого чудесного ребёнка, то он меня женит на ком-нибудь во всяком случае. И я уже начал было мириться с этой возможностью. В доме так пахло семейным уютом, что я уже с нетерпением стал ждать приписываемую мне супругу.

Она вбежала в комнату и стремительно кинулась мне на шею, спрятав своё лицо у меня на груди.

— Ваня, родной! — всхлипывала молодая женщина. — Я так рада, так рада, что ты приехал. Сегодня такой день...

Я нежно пытался поднять её головку, чтобы, наконец, увидеть, кто это так несказанно рад моему приезду, но она всё упорней прижималась к гимнастёрке, и мне пришлось взглянуть на усы предрика. А предрика грозил мне пальцем, что означало: «Ну что? Меня не проведёшь». Наконец, я увидел её глаза и воскликнул:

— Нюра?! Какими судьбами? Ну, не плачь. Тебе хорошо у нас?

— Хорошо, — сказала Нюра, блестя глазами, — я боялась, что твоя мать меня не примет, но совсем наоборот. Ваня мне говорил, что тётя Паша ему всё равно, как родная мать. Я и поехала к вам.

— А что с Ваней? — не без тревоги спросил я.

— Сегодня я впервые за три месяца получила от него письмо. Он был ранен и теперь пишет новую полевую почту.

Я победоносно взглянул на предрика, но он не сдавался.

— А почему вы, Анна Арсеньевна, получали от меня пособие, как жена Ивана Лавриненкова?

— А потому, что мой двоюродный брат Иван Лавриненков — тоже Герой, который под Витебском женился на Нюре, то есть Анне Арсеньевне.

Предрика всё же недоверчиво покосился на мой портрет, висевший над кроватью маленького Виктора.

— Мне Ваня прислал твой портрет ещё в Витебск, он его вырезал из журнала.

У предрика был явно обиженный вид, что ему не удалось оформить актом моё семейное положение. А тут ещё примчался его кучер и доложил, что секретарь сельсовета готов к загу.

Мне искренно стало жаль такого хорошего человека, и я ему твёрдо заявил:

— Товарищ предрика, уверяю вас, что когда наши фронтовики вернутся домой, они не замедлят с честью оформить необходимые акты гражданского состояния. В том числе и я.

— Ну, правильно,— со вздохом сказал предрика,— ты же понимаешь, в наших делах должен быть полный порядок. Я же не могу всё время оформлять жизнь по вашим портретам и копиям. Мне нужны оригиналы. В общем скажи ребятам, чтобы скорей разворотили берлогу и возвращались в район своего жительства. А то у меня сильно учёт хромает.

Я ему дал слово, что это будет так.

КАК ЭТО БЫВАЕТ

Пришла она в нашу землянку, села рядом со мной и стала беседовать на разные военные темы.

Как молодому человеку, мне хотелось с ней совсем о другом поговорить. Примерно мне хотелось сказать ей, что её волосы напоминают цвет бронзы, какая бывает на старинных пианино. Вообще, в мирной жизни я бы нашёл, что ей сказать. А что ты скажешь помощнику командира взвода, дважды орденосцу, знаменитому на всю дивизию снайперу? Вот я и решил сделать ей чисто военный комплимент и говорю:

— Я бы не мог высидеть долгое время в засаде и не шевелиться.

Старший сержант придвинулась ко мне поближе:

— Завтра, после обеда, приходите на занятия... Я вас сделаю снайпером,— сказала она.

На первом практическом занятии я всё же намекнул старшему сержанту насчёт бронзы, которой украшали в старину пианино, и получил за это наряд вне очереди.

В итоге наших занятий у меня насчитывалось четыре наряда, один выговор перед строем и два — личных, с глазу на глаз. Зато снайперскую винтовку я изучил не хуже, чем строй рояля. Вскоре старший сержант вывела меня в лес и приказала:

— Сегодня вы займёте боевую позицию. Лежите тихо. Я буду издали контролировать вашу работу. Если увидите фрица,— стреляйте без промаха. Желаю удачи.

Попробовал я ей осторожно сказать:

— Товарищ старший сержант, у меня мягкий характер, я могу не улежать, и немцы нас обнаружат.

— Ничего. Приказываю не шевелиться. Характер — дело наживное. До войны я боялась одна ходить по тёмному переулку.

Пошёл я за ней. Она идёт легко, без шума, а я то на пень налетаю, то в болото плюхаюсь. Когда пришли к месту, я уже был весь мокрый.

Улёгся я и жду. Вдруг чувствую, что за камуфляж пробирается что-то скользкое, холодное. Решил, что ящерица или змея, но лежу, не шевелюсь. Потом мне захотелось обязательно чихнуть. Мучился до одури, но всё же не чихнул.

Шесть раз я ходил на это место, и не то, что убил кого-нибудь, но даже не видел ни единого, хотя бы самого паршивого, фрица. «Ну,—думаю,—теперь конец! Не вышел из меня снайпер». А в душу всё же какая-то обида вошла. Чем же я хуже других?

Пришёл я к товарищу Васильевой и сказал ей об этом. И что я услышал.

— Вы,—говорит,—товарищ Сытов, не беспокойтесь. Характер у вас уже есть,—значит, и фрицы убитые будут. Завтра мы с вами выйдем на настоящую позицию, туда, где фрицы ходят.

— Как это на настоящую позицию? — удивился я.

— Очень просто. До сего дня я вас выводила за команду полка, а сама уходила обратно в роту. А вы себе лежали и наживали характер. Поняли?

Вскоре меня перевели в другое подразделение. Начались наступательные бои, и я встретил тов. Васильеву в глубине взломанной немецкой обороны.

Подошёл к ней и говорю:

— Тоня, скажите: не было ли каких других причин, что вы так настойчиво добивались сделать из меня отличного воина? У меня теперь на счету пятьдесят девять фрицев и две медали на груди.

— Были,— сказала она,— парторг роты поручил мне обучить вас снайперскому делу. Он понял, что вы станете хорошим стрелком, и не ошибся..

— Ах, значит вы действовали по решению парторга! Спасибо парторгу. Спасибо ему!

Я пожал её руку и пошёл по бывшей немецкой траншее. А когда показались немецкие боевые порядки, я вспомнил, что она, товарищ Тоня Васильева, и есть парторг роты.

Я заскрипел зубами и... выстрелил в немецкого офицера.

НЕЖДАНЫЙ ГОСТЬ

Комбат Воронин спешно дочитал передовую статью газеты, крикнул и сказал:

— Ну, подождите, я за вас возьмусь! Я вам покажу, как надо пищу готовить. Сам когда-то кашеваром был.

Воронин принял решение: внезапно появиться в походных кухнях, неожиданно накрыть все безобразия и затем твёрдой комбатовской рукой показать всем хозяйственникам, поварам и старшинам, где раки зимуют.

Он прошёл через мостик, миновал лесок и спустился к бомбовым воронкам на берегу речки.

Строгим взором комбат окинул всю панораму пищеблока. Кухни сверкали чистотой и радовали глаз свежей краской. Люди щеголяли в чистых куртках. Общий вид черпаков, вёдер и ножей тоже не вызвал сомнения. Повара отдали приветствие по всем правилам. Кругом не видно было ни шелухи, ни помоев, — словом, придраться было не к чему.

Воронин даже начал досадовать: «Вот, кудесники, пронохали, что я приду, и подготовились. Ну, ничего, меня не проведёшь».

— А ну-ка, давайте котелок и ложку, — громко сказал комбат. — Посмотрим, что вы тут накашеварили.

Комбат заметил, что повара перемигнулись. Тогда он добавил:

— Нет, я сам из котла наберу. А то вы мне один жирок подадите, я эти штучки знаю.

Котелок с горячим супом был поставлен на пень, и комбат, окружённый поварами, стал есть. Суп был наваристый и вкусный, мясные консервы с гречневой кашей тоже подходящие. И чай не отдавал рыбой и вениками. Старший повар, рослый украинец Груша, видя, что комбат доволен, даже решился произнести:

— Кушайте собі на добре здоровье...

— Правильно, товарищ Груша, хорошо принимаете гостей,— услышал за спиной комбат Воронин знакомый голос.

Он оглянулся. Перед ним стоял улыбающийся сосед, командир первого батальона Сосняк.

— Чего смеёшься? Садись и убедись, как мои орлы бойцов кормят. Перенимай опыт, мне не жалко!— с гордостью сказал комбат Воронин, отдавая старшему повару Груше пустой котелок.

Сосняк, не переставая улыбаться, нежно взял соседа за локоть, отвёл его в сторонку и участливо спросил:

— Скажи по совести: ты давно на своих кухнях не бывал?

— А что? Мне часто ходить не надо... Вот сегодня внезапно заскочил я— и всё в ажуре. Сам же видишь!

— Я у себя на кухнях частенько бываю, так что знаю. Ты не зря похвалил моих поваров и мою гречневую кашу.

Комбат Воронин остановился и что-то начал сообщать:

— Как это твоих поваров и твою гречневую кашу? Ты брось меня разыгрывать. Я шуток не люблю. Я, брат, свою кашу хвалил.

— Твоя каша вон по ту сторону водного рубежа. Видишь дымок? Вот там твои кухни. Давай пройдемся... Я твою кашу попробую по-соседски.

И когда они прибыли на кухни батальона Воронина, то комбат по общему виду грязноватых котлов, ведер, черпаков, ножей, по грудам картофельной шелухи понял, что внезапный налет на пищеблок батальона удался и что будет кому показывать, где раки зимуют.

Тяжелые предчувствия комбата Воронина полностью оправдались, когда ему подали пресную кашу и жидкий суп.

И всё потому, что координаты его кухонь были ему известны только по слухам.

Но больше всего его задел совет соседа.

— Вот сюда и ходи! — шептал ему Сосняк. — Можно, конечно, и внезапно... Но лучше всего регулярно. И ко мне заходивай. Перенимай опыт, мне не жалко.

МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Мы пообедали в только что занятом городе на Одере и занялись делом: зашивали полотняные мешочки с подарками на родину: кое-что удалось приобрести в военторге.

Рядом со мной упаковывал свой подарок мой приятель, старший сержант Максим Горелов, учитель из Калининской области.

У меня не было времени интересоваться, что Горелов посылает своей жене, тоже учительнице. Наши танки уже призывно гудели во дворе ратуши, и каждую минуту могла раздаться команда: «Садись!»

Лишь потом я узнал, что Максим посылал своей семье замечательный будильник.

Не успели мы с Максимом написать на полотне химическим карандашом волновавшие нас слова адресов, как послышалась команда, касавшаяся лично меня:

— Старшину Князева в полной готовности к коменданту штаба. Срочно! На носках!..

Комендант очень любезно представил меня трём немецким офицерам из штаба эсэсовской дивизии.

— Вот начальник вашего конвоя, — хмуро сказал через переводчика комендант. — Старшина понимает по-немец-

ки. Предлагаю вам безоговорочно выполнять все его приказания, иначе начальнику конвоя даны инструкции.

А мне комендант сказал:

— Обязательно довозите их в целости, эти птицы должны ещё запеть в соответствующем месте. Вот пакет.

Конвой состоял из меня, ефрейтора Мазо и двух бойцов. Мы усадили немцев в крытый грузовичок и уже хотели было тронуться, как прибежал Максим.

— Возьми мою посылку, — зашептал Максим, — сдай её на полевую почту, я не успел, мы двигаемся дальше.

Я взял рюкзак Горелова, в котором помещалась его небольшая посылка. Ехали мы довольно медленно. На перекрёстках нас то и дело заставляли пропускать проходившие части. Девушки-регулирующие в ответ на наши просьбы игриво отвечали:

— Подождут ваши фрицы, холера их не возьмёт! Тут люди на фронт спешат.

Наступила ночь. Согласно инструкции, мы остановились на ночлег. Немцы сняли с себя всё обмундирование и расположились на постелях, как дома. Я не препятствовал. Наоборот, мне это было на руку. В одном белье они бежать не станут. Мы повесили свои солдатские мешки и заняли свои места.

В первую очередь дежурили я и один боец. Неожиданно длинный немецкий капитан, уже дремавший на кушетке, вскочил с места и стал тормошить своих.

— В чём дело? — строго спросил я.

Немец с вытаращенными глазами быстро прилёг на кушетку, приник ухом к стене и пригласил меня сделать то же самое. Я приложился к стене и услышал... мерное и чёткое тиканье. Я не сообразил, что случилось, но немец пояснил мне:

— Дом заминирован. Это тикают часы в mine замедленного действия. Этот звук мне хорошо известен.

Я ещё раз послушал. Тикает. Двое других немцев, услышав про мину, стали быстро напяливать штаны и метаться по комнате.

— Прекратить беготню! — приказал я фрицам.

Они послушались, но с испугом прижимали к себе свои куртки и шинели и глядели на меня, как на обречённого.

— Мы каждую минуту можем взорваться, — лепетал эсэсовский капитан, — везите нас дальше, мы уже не хотим спать. Мы дадим вашему командующему очень важные показания. Надо спешить.

Я снова послушал. Тикает. Мне в голову не приходило, что это тикает в рюкзаке Горелова, который висел на стене в соседней комнате. Я разбудил ефрейтора Мазо и приказал ему найти другое помещение. Немцы одевались, как на пожар, один из них даже забыл на койке свои подтяжки.

Мы заняли второе помещение, а на дверях оставленного дома крупно написали: «Заминировано» — и сообщили об этом коменданту городка.

Во втором помещении было холодно, и мы целых два часа топили плиту в большой кухне. Только улеглись, опять немец вскакивает.

— Здесь тоже мина! — крикнул немец. — Послушайте сами.

Я послушал. Тикает. На этот раз тикало, как мне казалось, под полом. Мешок Горелова лежал на полу.

Опять немцы хватаются за шинели.

— Я хорошо знаю этот тип мин замедленного действия, — говорит эсэсовец, — они взрываются на десятый день. Сегодня как раз десять дней, как вы заняли этот город. Эти мины были в нашем штабе.

— Вот гады! — сказал ефрейтор Мазо. — Не хотят умирать от своих мин.

В третьем помещении, в соседних с нами комнатах, разместились на ночь бойцы маршевого батальона. Когда обезумевшие немцы опять услышали тиканье, я решил, что тут что-то неладно. Однако о тиканье я доложил офицеру, который ночевал в хозяйской спальне. Офицер оказался лейтенантом медицинской службы. Услышав про мину, лейтенант спокойно причесал волосы и сказал:

— Сейчас мы её найдём. Для медицины это раз плюнуть.

Лейтенант захватил свой металлический стетоскоп, которым он выслушивал больных бойцов, вложил концы резиновых трубочек в уши и стал выслушивать стены, потолок, кресла, матрацы. А мешок Горелова в этот раз лежал на шкафу, рядом с которым устроился эсэсовский капитан. Наконец трубка лейтенанта добралась до шкафа. Тиканье усилилось. Лейтенант медицинской службы хитро посмотрел на меня и многозначительно вышел из комнаты.

— Слушайте, старшина. По-моему, тикает у вас в мешке.

Меня сразу осенило. Это тикает в посылке Максима!

— Возможно, — сказал я, — мне мой товарищ поручил отправить небольшую посылочку.

— Ну вот! Всё в порядке. Вам оказана медицинская помощь, и можете спокойно отдыхать. А немцам про это не говорите. Пусть трепещут.

Я рассказал моим товарищам о случае в военно-полевой медицине и обратился к немцам со строгим видом.

— Отсюда мы никуда не пойдём, — сказал я. — Нам надоело переходить из помещения в помещение. Взорвёмся, так и быть.

Будильник, который лежал на пустом шкафу, тикал ясно и деловито. Пустой шкаф усиливал значительно звук.

— Вы не имеете права взрывать пленных,— ворчали немцы,— мы не для этого сдавались в плен.

— Это же не мы закладывали мины! — сказал я и добавил:— Прекратить разговоры. Ни звука больше!

Вскоре немцы услышали за стеной топот шагов и торопливые команды: отдохнувшие бойцы уходили дальше на запад. Немцы поняли это по-своему: наши бойцы, мол, спешно покидают дом ввиду действия мины. Они настояжились, как зайцы, и, бледные, ожидали моей команды выходить. Но я молчал.

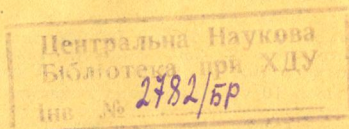
— Я знаю! — завопил немецкий капитан. — Русские презирают смерть! Русские любят рисковать! Но имейте в виду: наши мины действуют очень точно. Они изготовлялись на заводе моего отца, мой фатер заказывал для этих мин часовые механизмы в Швейцарии, там делают очень точные часы.

Мои бойцы, догадываясь, о чём говорит немец, делали печальные лица и хмурили брови, но каждый раз, выходя покурить, хохотали вволю...

Это была довольно весёлая ночь на берлинском направлении.

СОДЕРЖАНИЕ

Званый обед	3
Касторка	9
Улыбка	14
Письмо	17
Астрономия	21
Широкое сердце	25
Точный адрес	30
Портрет	35
Как это бывает	41
Нежданный гость	45
Мина замедленного действия	49

Редактор Г. Рыклин
Издательство «Правда»

Главлит А21640. Тираж 100 000 экз.
Издательский № 560. Заказ № 1239.
Формат бумаги 70×108. 94 000 зн. в 1 печ. л.
Сдано в набор 10/VII. Подписано к печати 7/VIII.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

